

ФУНКЦИИ МЕТАФОРЫ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ РЕЧИ¹⁵

*К. И. Алексеев,
Институт психологии РАН*

"В обычной связной речи мы не встретим и трех предложений подряд, в которых не было бы метафоры", -- делает простое наблюдение А.Ричардс, называя метафору "вездесущим принципом языка" (Ричардс, 1990, с 46). Сам Ричардс тоже не избежал употребления метафоры -- он мыслит предложения как некоторые объекты или даже живые существа, с которыми мы можем встретиться в некотором месте, называемом связной речью (сравним это метафорическое употребление слова "встретить" с буквальным употреблением в предложении "В обычном среднерусском лесу мы не встретим и трех деревьев подряд, среди которых не было бы березы"). Метафора действительно "широко распространена в многочисленных жанрах художественной, повседневной и научной речи", и это создает мнение о "всемогуществе, всеприсутствии и вседозволенности метафоры" (Арутюнова, с 6).

Чем же объясняется такое "всеприсутствие" метафоры, чего именно можно достичь с ее помощью, иными словами, каковы функции метафоры? Традиционно отмечаются две основные функции метафоры: эмоциональное воздействие и моделирование действительности.

На протяжении практически всей традиции ее изучения метафора рассматривалась сугубо как средство эмоционального воздействия, что предопределило ее изучение в рамках риторики. Утверждение об этой функции метафоры стало общим местом, об этом писали многие авторы. Так, Н.Д.Арутюнова отмечает: "В эмоциональном нажиме на адресата заинтересован не только писатель, публицист и общественный деятель, но и любой член социума. Общность цели естественно порождает и общность используемых языковых приемов. Сфера выражения эмоций и эмоционального давления вносит в обыденную речь элемент артистизма, а вместе с ней и метафору" (Арутюнова, с 8).

¹⁵ Работа выполнена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (код проекта 95-06-17491).

Моделирующая функция метафоры стала выделяться в XX в. Дж. Лакофф и М. Джонсон выдвинули тезис о внедренности метафоры в мышление; метафора стала рассматриваться не только как поэтическое и риторическое выразительное средство, не только как принадлежность естественного языка, но как важное средство представления и осмысления действительности, как средство формирования картины мира. Дж. Лакофф и М. Джонсон утверждают, что "метафора пронизывает всю нашу повседневную жизнь и проявляется не только в языке, но и в мышлении и действии. Наша обыденная понятийная система, в рамках которой мы мыслим и действуем, метафорична по самой своей сути" (М.Лакофф, М.Джонсон, с 387). В качестве иллюстрации своей точки зрения Дж. Лакофф и М. Джонсон приводят пример использования метафоры "Спор -- это война": "Мы можем реально побеждать или проигрывать в споре. Лицо, с которым мы спорим, мы воспринимаем как противника. Мы атакуем его позиции и защищаем собственные. Мы захватываем территорию, продвигаясь вперед, или теряем территорию, отступая. Мы планируем наши действия и используем определенную стратегию. Убедившись в том, что позиция незащитима, мы можем ее оставить и принять новый план наступления. Многое из того, что мы реально делаем в споре, частично осмысливается в понятийных терминах войны" (М.Лакофф, М.Джонсон, с 388).

Выделение двух основных функций метафоры (эмоциональное воздействие и моделирование действительности) можно обосновать теоретически, обратившись к литературе по теории метафоры.

Любая метафора семантически двойственна -- в ее структуре можно выделить две части, традиционно называемые буквальным (прямым) значением метафоры (как правило, ложным) и метафорическим (переносным) значением метафоры. С точки зрения лингвистики, любое языковое выражение такой структуры будет метафорой; лингвистическим критерием метафоры является именно противоречие между буквальным и метафорическим значением. Задача лингвистической теории метафоры состоит в том, чтобы охарактеризовать способ бытия этих двух частей структуры метафоры, а также отношения между ними. Существующие здесь подходы можно разделить на три типа: 1) семантический, согласно которому об этих двух частях метафоры можно говорить в терминах значения (как оно понимается в лингвисти-

ке); 2) прагматический, согласно которому только о буквальном, прямом значении метфоры можно говорить в терминах лингвистического значения, а переносное значение метафоры принадлежит сфере употребления; 3) нормативный, согласно которому в основе обеих частей метафоры лежат нормативные системы классификаций¹⁶.

Согласно предложенной нами теории метафоры, основанной на нормативном подходе, нормативная структура метафоры имеет следующий вид: традиционная классификация -- ее нарушение -- альтернативная классификация. Прямое значение метафоры использует традиционную классификацию, закрепленную в системе понятий, в ее основании лежат существенные признаки понятий; переносное значение использует некоторую альтернативную классификацию, в основе которой лежат признаки, отличные от существенных признаков понятий (мы назвали такие признаки эталонными) (К.И.Алексеев, 1996, с 78 - 79). Например, в случае метафоры "Солнце -- это апельсин" такими эталонными признаками будут "круглый" и "оранжевый"; солнце и апельсин в этом случае принадлежат к одному классу, классу круглых и оранжевых вещей. Существуют два способа восприятия такой нормативной структуры: 1) понимание метафоры -- нахождение эталонных признаков, лежащих в основании альтернативной классификации; 2) распознавание метафоры -- обнаружение конфликта традиционной и альтернативной классификаций. Как было показано нами ранее (К.И.Алексеев, 1996, с 80 - 84), 1) понимание метафоры и ее распознавание независимы, т. е. для понимания метафоры ее распознавание не является необходимым и наоборот; 2) понимание метафоры ничем не отличается от понимания обычных буквальных высказываний, в частности, от понимания парафраза метафоры; 3) специфика метафоры проявляется при ее распознавании и заключается в том, что метафора -- это произведение искусства. Как и во всяком произведении искусства, в метафоре заключено противоречие между содержанием (основания альтернативной классификации) и формой (столкновение традиционной и альтернативной классификаций); именно это противоречие и вызывает эмоциональную реакцию.

Нетрудно убедиться, что две традиционно выделяемые функции метафоры (эмоциональное воздействие и моделирование

¹⁶ Подробнее см. К.И.Алексеев, 1996, с 73 - 85.

действительности) обеспечиваются двумя способами восприятия метафоры (распознаванием и пониманием соответственно). На основе изложенных представлений можно сделать несколько выводов:

1) Понятие распознавания метафоры позволяет обосновать различие между "живыми" и "мертвыми" метафорами, а также ввести психологический критерий метафоры. Действительно, некоторые выражения с очевидностью удовлетворяют лингвистическому критерию метафоры, но как метафоры они тем не менее не воспринимаются: "борьба с преступностью", "путь к решению проблемы", "строительство государственных структур" и др. К их числу принадлежат также приведенные выше следствия метафоры Дж. Лакоффа и М. Джонсона "Спор -- это война" и разбираемая в начале статьи метафора А.Ричардса. Такие метафоры называют "мертвыми", их метафорическое значение "стерлось", и необходимо усилие для обнаружения конфликта между буквальным значением (скажем, реальным строительством реальных зданий для метафоры "строительство государственных структур") и метафорическим значением (постепенное целенаправленное создание соответствующих государственных учреждений для той же метафоры). "Мертвые" метафоры не реализуют функцию эмоционального воздействия, они не распознаются как метафоры, они не являются таковыми с психологической точки зрения. Значит, можно сформулировать следующий психологический критерий метафоры: некоторое выражение является метафорой, если оно распознается как таковая. Этому критерию удовлетворяют только "живые" метафоры, в которых конфликт между прямым и переносным значением легко распознается; именно за счет этого они реализуют функцию эмоционального воздействия, именно поэтому они являются настоящим произведением искусства.

2) Поскольку распознавание и понимание независимы, то метафора реализует функции эмоционального воздействия и моделирования действительности независимо. Значит, любую метафору можно рассматривать как с точки зрения использованной в ней модели действительности, так и с точки зрения того эмоционального воздействия, для усиления которого она была использована. Конкретные примеры анализа метафор в политической речи будут приведены ниже.

* * *

При определении конкретных воздействий, для усиления которых была использована метафора, мы использовали метод интент-анализа, разработанный Т.Н.Ушаковой с соавторами (Т.Н.Ушакова и др., 1995).

Характеризуя метод интент-анализа, Т.Н.Ушакова пишет: "Важная часть глубинного психологического содержания речевой продукции содержится, по нашему мнению, в ее "интенциональном пласте", т.е. в тех намерениях, которые лежат в основе продуцируемой речи и которые обычно лишь косвенно проявляются в произносимых словах" (Т.Н.Ушакова и др., 1995, с 18); "...принятое намерение определяет характер используемого речевого материала. Соответственно представляется принципиально возможным на основе высказанных слов делать "обратный ход" к намерению, лежащему в основе того или другого высказывания. Возможно также психологически определить намерение как скоординированную с целью установку говорящего человека, побуждающую его к выражению того или другого содержания" (Т.Н.Ушакова и др., 1995, с 19). Авторы специально оговаривают, что предметом их анализа являются "ближайшие" интенции речевой продукции, что они оставляют в стороне усложненные случаи, когда действительные намерения глубоко спрятаны, а выставленные напоказ существуют для введения в заблуждение.

На основе анализа конфликтных политических выступлений авторы выделили и описали следующие "ближайшие" интенции, характерные для конфликтной установки: противостояние, угроза, обвинение, разоблачение, критика, демонстрация силы, отвод обвинений, похвала и т.д. Можно сказать, что в той или иной степени выраженности эти интенции характерны для любой политической речи, поскольку политика неизбежно предполагает более или менее жесткое противостояние различных политических сил.

Мы применяли метод интент-анализа для квалификации интенций, лежащих в основе усиленных метафорой воздействий. Для определения конкретных метафорических моделей действительности мы использовали составленный А.Н.Барановым и Ю.Н.Карауловым "Словарь русской политической метафоры" (А.Н.Баранов, Ю.Н.Караулов, 1991, 1995).

При составлении этого словаря его авторы опирались на теорию концептуальной метафоры Дж.Лакоффа и М.Джонсона,

классифицируя метафоры по типу использованной модели действительности. Было выделено несколько метафорических моделей, в терминах которых осмыслялась политическая реальность: война, путь/дорога, строительство, транспорт и транспортное средство, механизм, растение, геометрия и т.д. Способы формирования картины мира и определяемых ею действий с помощью метафорических моделей авторы словаря демонстрируют на примере различных метафор перестройки:

1) Уже сам термин "перестройка" говорит об использовании метафорической модели строительства. Мы сами составляем проект строительства нового общества и сами его выполняем, мы можем осуществить капитальный ремонт или ограничиться косметическими изменениями типа обновления фасада, мы можем перестроить те или иные этажи здания и оставить в неприкосновенности другие, и т.д. Важно подчеркнуть, что "строительство" целиком и полностью находится под нашим контролем (если, конечно, все проекты верны и "здание" не рухнет вдруг вследствие непредвиденной или незамеченной ошибки).

2) Совсем другую картину мира задает метафорическая модель транспортного средства (ее использует, например, метафора "корабль перестройки"). Мы можем изменить курс, сбиваться с пути, увеличивать или уменьшать скорость движения, делать перестановки в команде (выбросить кого-нибудь за борт, заменить капитана, заменить всю команду или ее часть пассажирами и т.д.) -- но мы не можем на ходу переделать сам корабль. Выбранная метафорическая модель налагает ограничения на наши действия.

3) Еще больше ограничений налагает на нас метафорическая модель стихийного бедствия (она используется, например, в таком высказывании: "Перестройка обрушилась на нас, словно ураган"). В этом случае нам остается только ждать, пока стихия не успокоится, и разгрести завалы.

4) По подсчетам авторов словаря, наиболее часто встречаемой метафорической моделью является персонификация -- уподобление некоторых явлений (в том числе и перестройки) человеку и, шире, живому существу. В этом случае перестройка рождается, взрослеет, развивается, имеет свою судьбу и даже умирает.

Авторы словаря специально оговаривают, что они ограничились анализом метафорических моделей "мертвых" метафор. Поскольку "мертвые" метафоры выполняют только функцию моделирования действительности, то их анализ полон. Нас, однако, в

дальнейшем будут интересовать в основном "живые" метафоры и выполняемые ими функции. В первую очередь это, конечно, функция эмоционального воздействия -- ведь "живые" метафоры, согласно определению, являются таковыми постольку, поскольку они распознаются как метафоры, а распознавание как раз и обеспечивает функцию эмоционального воздействия. Можно сказать, что основная, ведущая функция "живых" метафор -- это эмоциональное воздействие. Конечно, "живая" метафора выполняет также и функцию моделирования действительности, но эта функция, как правило, является для нее подчиненной. Рассмотрим в этой связи следующие метафоры, взятые нами из "Послания Президента Российской Федерации Федеральному Собранию"¹⁷ :

Советский Союз рухнул под тяжестью всеобъемлющего кризиса, разодранный на куски экономическими, политическими и социальными противоречиями. (с. 3)

Эта метафора с очевидностью является "живой" -- она легко распознается как метафора; не менее очевидны "ближайшие" интенции, для усиления которых она была использована -- это обвинение в адрес бывших правителей СССР, политика которых привела к его распаду, и отвод подобных обвинений в свой адрес. И использованные модели действительности менее очевидны, однако при более подробном рассмотрении можно выделить по крайней мере 4 модели:

1) "тяжесть всеобъемлющего кризиса" -- модель объективации; кризис мыслится как физический объект, обладающий массой ("тяжесть") и пространственными характеристиками ("всеобъемлющий").

2) "Советский Союз рухнул под тяжестью..." -- модель строения; Советский Союз мыслится как некоторое строение, внезапно и быстро разрушившееся.

3) "Советский Союз..., разодранный на куски" -- модель объективации; Советский Союз мыслится как некоторый объект, лишившийся своей целостности и превратившийся в бесформенные части (сравним эту метафору с такими буквальными высказываниями, как "ткань, разодранная на куски"; "бумага, разодранная на куски").

4) "...разодранный на куски экономическими, политическими и социальными противоречиями" -- модель персонификации;

¹⁷ Российская газета. 1996. 27 февраля. С. 3--6.

противоречия мыслятся как одушевленные существа, способные на активные действия (ср.: "разодранный на куски диким зверем").

Взятые вместе, эти модели не создают четкой картины ситуации, они противоречивы и разнонаправлены -- так, Советский Союз мыслится одновременно как строение и как некоторый неопределенный объект типа ткани или бумаги: строение нельзя разодрать на куски, а ткань или бумага не может рухнуть. Эти модели едва намечены и достаточно аморфны -- они допускают другую интерпретацию: например, рухнуть может не только здание, но и некоторый объект или одушевленное существо, лишившиеся опоры (ср.: "не выдержав тяжести, сук обломился, и Винни-Пух камнем рухнул вниз"); разодрать на куски можно как объект, так и тело. Эти модели также крайне абстрактны -- речь в них идет о каком-то, а не вполне конкретном объекте, о каком-то, а не о четко определенном одушевленном существе.

Таким образом, можно сказать, что для этой метафоры функция моделирования действительности выражена слабо, а ведущей функцией является усиление интенций обвинения и отвода обвинений.

Существуют, конечно, и метафоры, использующие только одну, в достаточной степени прорисованную модель:

Это была неизлечимая болезнь¹⁸, симптомы которой усугублялись с конца 50-х годов, перерастая постепенно в экономическую кому.

Модель болезни здесь совершенно очевидна -- экономика уподобляется неизлечимо больному человеку, болезнь которого неумолимо прогрессирует и медленно, но верно ведет к летальному исходу. Не менее очевидна усиленная этой метафорой интенция обвинения в адрес бывших правителей СССР. Можно сказать, что для этой метафоры обе функции являются ведущими.

Классифицируя метафоры по их ведущей функции, мы получаем три типа метафор: 1) метафоры, для которых обе функции являются ведущими; 2) метафоры, для которых ведущей является функция эмоционального воздействия; 3) метафоры, для которых ведущей является функция моделирования действительности. Такая классификация может быть использована не только (и не столько) при анализе отдельных метафор, но и при анализе мета-

¹⁸ Речь идет о ситуации в экономике.-- К.А.

фор из конкретных текстов. Сами тексты можно разделить по типу употребленных в них метафор на четыре типа -- к трем вышеперечисленным добавляются тексты вообще без метафор.

Покажем, как можно использовать введенные представления на примере уже упоминавшегося текста "Послания Президента".

На протяжении всего текста активно и систематично используется осмысление реформ в терминах метафорических моделей пути и строительства:

Из поколения в поколение россияне искали дорогу к счастью и справедливости, сбивались с пути и снова упрямо стремились к лучшей доле;

Россия переживает в последнее время крутые повороты; движение вперед идет трудно, болезненно, противоречиво;

Царская Россия не смогла выйти на дорогу, которой шли другие страны; коммунистический проект не выдержал испытания на большой исторической дистанции; путь назад -- это путь в исторический тупик;

Использовалась тактика осторожных, постепенных шагов; были важные шаги по созданию правовой системы; однако чем больше делалось шагов навстречу, тем ожесточеннее становилось сопротивление политических противников;

Сегодня центральный вопрос -- как проторить дорогу к спокойной жизни в Чеченской республике; "прекратить войну" или "вывести войска" -- это даже не путь к миру, а прямая дорога к распространению войны по всему Кавказу, а возможно, и за его пределами; путь к урегулированию ситуации будет найден; этот путь будет построен не на каком-то одном шаге, а на комплексе мер;

Рыночные механизмы устранили немало барьеров на пути движения товаров; мы впервые вышли на рынки стран АСЕАН; сохраняется частокол антидемпинговых процедур на пути нашего экспорта; это проторит дорогу российскому экспорту;

Принятие России в Совет Европы означает признание реального продвижения России к правовому государству, хотя на этом пути нам предстоит сделать еще очень много; убежден, что мы прошли значительную часть пути; первый, самый тяжелый этап переходного периода -- либерализация экономики -- уже пройден; пройденный участок пути к выходу из кризиса; мы прошли немалую часть пути к рыночной экономике.

Какую картину мира задают нам метафорические модели пути и строительства? Они ориентируют нас на поэтапность, постепенность реализации выдвигаемых программ и достижения намеченных целей, предостерегают о возможных препятствиях и неудобствах, почти с неизбежностью возникающих в ходе "пути" и "строительства". Показательно в этом плане использование следующей развернутой метафоры:

Как строитель могу сказать: мы уже давно прошли "нулевой цикл", воздвигли стены, подвели их под крышу... И мы все живем на этой стройке в разгар строительства. Это и неудобно, и опасно. Мы видим здесь беспорядок, строительный мусор, грунтовые воды, подмывающие заложенный нами фундамент. ... Однако новое здание российской государственности в основном уже построено. Можно переходить к следующему этапу, выражаясь тем же языком, -- к отделочным работам. И думать о дальнейшем -- как жить в этом доме (с._5).

Мы долгие годы жили в нашей стране то как в осажденной крепости, то как в походном лагере. Сегодня я обращаюсь ко всем гражданам России: пора начинать жить в России как в своем собственном доме! (с._6).

Наряду с этими и другими метафорами, столь очевидно и ярко реализующими функцию моделирования действительности, в тексте Послания содержатся и метафоры, не менее очевидно и не менее ярко реализующие функцию эмоционального воздействия (выше мы уже подробно разбирали две такие метафоры):

Снижение производства, фиксированные цены и стремительный рост денежных доходов населения, не обеспеченных товарным покрытием, -- такова была гремучая смесь, буквально взорвавшая экономику 1991 г.;

Взорвалась бомба замедленного действия, заложенная при основании СССР в виде пропагандистской формулы -- самоопределение вплоть до отделения с правом свободного выхода.

Очевидно, что все приведенные выше метафоры употреблены с целью усиления эмоционального воздействия обвинения в адрес коммунистических правителей СССР, их сегодняшних наследников и сторонников возвращения в "светлое прошлое" -- т.е. политических противников Президента Б.Н.Ельцина.

Таким образом, можно сделать вывод, что обе функции метафоры являются ведущими в данном тексте. В качестве ведущих метафорических моделей выступают "путь" и "строительство";

другие модели, на наш взгляд, играют подчиненную роль, поскольку они слабо вписываются в общую линию осмысления реформ в терминах постепенного, поэтапного достижения поставленных целей. Конечно, они присутствуют в тексте "Послания": приведем примеры "медицинской" модели (представление об экономике как о больном человеке); модели войны, использованной в двух приведенных выше метафорах. Интенцией, в наибольшей степени усиленной в этом тексте употреблением метафор, является обвинение в адрес коммунистических правителей СССР, политика которых привела к сегодняшней тяжелой ситуации.

Детальный анализ текстов с помощью введенных представлений не входил в задачу настоящей статьи; мы стремились только продемонстрировать те возможности, которые открываются в этом направлении. Реализация этих возможностей является ближайшей задачей наших дальнейших исследований.

Литература

Алексеев К. И. Метафора как объект исследования в философии и психологии // Вопросы психологии. 1996. N 2. С. 73--85.

Арутюнова Н. Д. Метафора и дискурс // Теория метафоры.

Баранов А. Н., Караулов Ю. Н. Русская политическая метафора. Материалы к словарю. М.: Помовский и партнеры, 1991.

Баранов А.Н., Караулов Ю.Н. Словарь русских политических метафор. М.: Помовский и партнеры, 1994.

Лакофф М., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем // Теория метафоры.

Ричардс А. Философия риторики // Теория метафоры. М.: Прогресс, 1990. С. 46.

Ушакова Т.Н., Латынов В.В., Павлова А.А., Павлова Н.Д. Ведение политических дискуссий. Психологический анализ конфликтных выступлений. М.: Издательский центр "Академия", 1995.